

УДК 81'23

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-69-81

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ В МОДЕЛИРОВАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА (на материале английского когнитивного паттерна *чистота / грязь*)

Е. В. Савицкая

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия

В статье представлены результаты изысканий, проведенных в русле лингвокогнитивистики. Рассмотрен один из участков когнитивного субстрата языкового мышления. Отмечено, что в процессе эволюции мышление людей, прежде чем стать абстрактно-теоретическим, прошло этапы наглядно-действенного и конкретно-образного отражения мира. Абстрактные понятия современной цивилизации зиждутся на традиционных конкретно-наглядных образах; это отражено и закреплено в единицах естественного языка. В качестве примера в статье рассмотрен когнитивный паттерн *чистота / грязь*, который входит в английскую лингвокультуру, и его вербальное обеспечение, то есть комплекс средств его речевой реализации. Выявлены тематические области его применения, показано его влияние на языковое мышление и моделирование реальности. Сопоставление значений языковых единиц с их внутренними формами позволяет установить связь отвлеченных понятий с конкретно-наглядными образами в рамках когнитивных паттернов. Использование метода внутреннего сопоставления и применение результатов этимологической реконструкции внутренней формы единиц языка дало возможность выявить характер видения фрагментов мира носителями английской лингвокультуры. Показано, что в английской лингвокультуре образы *чистоты / грязи* символизируют в основном две тематические области — это этическая тематика и тематика возобновления. Отмечено, что у каждого народа имеются собственные аксиологические доминанты (ключевые жизненные ценности), определяющие экспрессию вербальных инвектив. Показано, что в ряде случаев возникает конфликт между внутренней формой, пребывающей в русле традиционного мышления, и значением языковой единицы, отражающим современные реалии. Сделан вывод, что восприятие и осмысление фрагментов мира осуществляется сквозь призму стереотипов мышления, закрепленных во внутренней форме единиц языка. Но по мере развития лингвокультуры происходит ломка устоявшихся стереотипов видения мира и выработка новых. В лингвистическом аспекте победа нового над старым проявляется в том, что вербальное обеспечение прежних когнитивных паттернов уходит из языка, что ведет к «перекодированию» менталитета носителей лингвокультуры.

Ключевые слова: когнитивный субстрат языкового мышления; когнитивный паттерн; лингвокультура; коллективная установка; внутренняя форма языковой единицы; вербальное обеспечение когнитивного паттерна.

**The Role of Cognitive Patterns in Modelling Reality by Means of Natural Language
(The Case Study of the English Cognitive Pattern “Cleanness / Dirtiness”)**

Ekaterina V. Savitskaya

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

In the field of cognitive linguistics it is accepted that, before developing its capacity for abstract and theoretical thought, the human mind went through the stage of reflecting reality through concrete images and thus has inherited old cognitive patterns. Even abstract notions of the modern civilization are based on traditional concrete images, and it is all fixed in natural language units. By way of illustration, the author analyzes the cognitive pattern “cleanness / dirtiness” as a constituent part of the English linguoculture, looking at the whole range of its verbal realization and demonstrating its influence on language-based thinking and modeling of reality. Comparing meanings of language units with their inner forms enabled the author to establish the connection between abstract notions and concrete images within cognitive patterns. Using the method of internal comparison and applying the results of etymological reconstruction of language units’ inner form made it possible to see how the world is viewed by representatives of the English linguoculture. Apparently, in the English linguoculture images of cleanness / dirtiness symbolize mainly two thematic areas: that of morality and that of renewal. Since every ethnic group has its own axiological dominants (key values) that determine the expressiveness of verbal invectives, one can draw the conclusion that people perceive and comprehend world fragments through the prism of mental stereotypes fixed in the inner form of language units. Sometimes, in relation to specific language units, a conflict arises between the inner form which retains traditional thinking and a meaning that reflects modern reality. Still, linguoculture is a constantly evolving entity, and its development entails breaking established stereotypes and creating new ones. Linguistically, the victory of the new over the old is manifested in the “dying out” of the verbal support for previous cognitive patterns, which leads to “reprogramming” (“recoding”) of linguoculture representatives’ mentality.

Key words: cognitive substrate of verbal thinking; cognitive pattern; linguoculture; shared attitude; the inner form of a language unit; verbal support of cognitive pattern.

1. Введение

Анализ механизмов языкового мышления по-прежнему остается одним из самых актуальных направлений лингвокогнитивных изысканий. В настоящей статье представлены итоги нашего исследования, проведенного в этом русле. Рассмотрен один из участков когнитивного субстрата языкового мышления.

Определим главные исходные термины. Когнитивный субстрат языкового мышления — это комплекс созданных в процессе культурного развития народа, закрепленных в исторической семантике этноязыка, устоявшихся в социальной практике коллективных представлений о мире, набор когнитивных установок, лежащих в основе языковой картины мира, используемых в процессе общения и в той или иной степени обуславливаю-

щих мировосприятие, мышление и поведение людей в общенародном, групповом и индивидуальном масштабе.

Некоторые когнитивные установки, по-видимому, унаследованы людьми биогенетически от животных предков; к их числу относятся представления о пространстве, времени, движении, некоторых конфигурациях и т. п. (Артемьева 2007). Другие установки связаны не с биологической наследственностью, а с культурно-историческим наследием; к ним принадлежат мифологические и религиозные представления о мироустройстве и др. (Lévi-Strauss 2009).

Когнитивный субстрат составляет основу всего языка и всего языкового мышления. Но он делится на участки, в которых содержатся коллективные представления о строении отдельных фрагментов мироздания. Для упомянутых участков нужно подобрать подходящее название. Рассмотрев ряд синонимов из терминосистемы когнитивистики, мы остановились на термине *когнитивный паттерн*, представившемся нам наиболее удачным.

Когнитивный паттерн определяется как «совокупность совместных взаимно-сопряженных отношений между различными объектами, явлениями, свойствами и процессами окружающего мира. Иными словами, <...> это модели познания действительности и, в более широком смысле, модели знания и мышления <...> Когнитивные паттерны представляют собой базовые интуитивные репрезентации (образы), которые задают специфическое видение реальности, являются точкой отсчета в осмыслении мира» (Баксанский, Гнатик, Кучер 2010: 5).

В процессе эволюции мышление людей, прежде чем стать абстрактно-теоретическим, прошло этапы наглядно-действенного и конкретно-образного отражения мира. При этом оно унаследовало когнитивные паттерны, которые были выработаны на предыдущих этапах; новые представления надстраиваются над старыми, используя их как фундамент. Абстрактные понятия нынешней цивилизации зиждутся на традиционных конкретно-чувственных образах; это отражено и закреплено в единицах естественного языка.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве примера в нашей статье рассмотрен когнитивный паттерн *чистота / грязь*, входящий в английскую лингвокультуру, и его вербальное обеспечение, то есть комплекс языковых средств, через которые он реализуется в словесном общении. Установлены тематические области его использования, показано его влияние на языковое мышление и моделирование реальности.

В ходе работы с эмпирическим материалом нами использовались словари английского языка: фразеологические (БАРФС), (ODI), комбинаторные (АРС), этимологические (БЭС), (ODE), мифологический (ССМ).

Сопоставление значений языковых единиц с их внутренними формами позволяет установить связь отвлеченных понятий с конкретно-наглядными образами в рамках когнитивных паттернов. Использование метода внутреннего сопоставления и применение результатов этимологической реконструкции внутренней формы языковых единиц дало нам возможность выявить характер видения некоторых фрагментов мира носителями английской лингвокультуры.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Наблюдения показали: в английской лингвокультуре образы *чистоты* / *грязи* символически репрезентируют в основном две тематических области.

Прежде всего они представляют сферу *морали*, особенно религиозной.

Физическая *чистота* символизирует непорочность, непогрешимость. Эта связь выражается словесными оборотами со словом *clean* 'чистый', например:

(1) *to keep one's slate clean* «поддерживать хорошую репутацию» (букв. 'держат свою грифельную доску чистой');

(2) *clean / clear conscience* «спокойная, безгрешная совесть» (букв. 'чистая / прозрачная совесть');

(3) *to make a clean breast of smth.* «исповедаться в грехах» (букв. 'очистить свою грудь от чего-л.');

(4) *to come clean / to clean up one's acts* «исправиться» (букв. 'очистить свои дела');

(5) *cleanliness* «благочестие» (букв. 'чистоплотность');

(6) *to clean up about smth.* «сознаться в проступке» (букв. 'очиститься от чего-л.');

(7) *to have one's hands clean* «быть порядочным» (букв. 'у кого-л. руки чисты');

(8) *squeaky clean* «совершенно невинный» (букв. 'чистый до скрипа').

Непорочность в английской лингвокультуре символически представлена не только словом *clean*, но и другими словами, относящимися к тематической группе *чистота*:

(9) *spotless / unspotted / unblemished reputation* «безупречная репутация» (букв. 'незапятнанная'; *unblemished* < старофранц. *blesmir* 'пятнать');

(10) *unsullied by sin* «не оскверненный грехом» (букв. ‘не загрязненный’ < *un-* “не” + *sully* < франц. *souiller* ‘пачкать’);

(11) *pure as the driven snow* «невинная» (букв. ‘чиста как снегопад’);

(12) *immaculate conception* «непорочное зачатие» (букв. ‘незапятнанное’ < лат. *in-* “не-” + *maculatus* “запятнанный”);

(13) *pure within* «безгрешный» (букв. ‘внутренне чистый’);

(14) *pure soul / heart* (букв. ‘чистая душа / сердце’) etc.

Соответственно, представления о **грязи** символизируют отступление от канонов общественной морали, порочность, греховность. Ниже приводится ряд примеров такого рода:

(15) *dirty swine* «мерзавец» (букв. ‘грязная свинья’; оценка морального облика);

(16) *foul language* «сквернословие» (*foul* < древнеангл. *ful* ‘гнилой, нечистый’);

(17) *filthy lucre* «презренный металл, деньги» (< древнеангл. *fylð* ‘грязь’);

(18) *dirty soul / impure heart* (ср. рус. «грязная душонка»);

(19) *with dirty hands* (ср. рус. «быть нечистым на руку»);

(20) *dirty designs / intentions* «нечистые замыслы»;

(21) *dirty words* «бранные (букв. ‘грязные’) слова»;

(22) *spirit of impurity* «нечистый дух, демон»;

(23) *unclean thoughts* «грязные мысли» etc.

Наряду с образом грязи (*dirt*) в английской лингвокультуре используются близкие к нему образы гнили (*rot*), навоза (*dung*), рвоты (*vomit*), плесени (*mold*), помоев (*slop*) и прочих неприятных вещей, символизирующих зло и порок. В этом проявился параллелизм этических и эстетических оценок. Например:

(24) *The dog returns to his vomit, and the sow that was washed returns to wallowing in the mire* (2 Peter 2: 22) / «Пёс возвращается к своей рвоте, и вымытая свинья вновь идет валяться в тине» (2-е Петра 2:22) (в смысле ‘Человек упорствует в своих пороках’);

(25) *Something is rotten in the state of Denmark* (W. Shakespeare, Hamlet, Act I, Scene IV) / «Подгнило что-то в Датском королевстве»;

(26) *bad apple / spoiled egg* «прохвост» (букв. ‘порченное яблоко / тухлое яйцо’);

(27) *A rotten apple spoils the bunch* / «Одно гнилое яблоко портит остальные»;

(28) *decay and fall* «упадок и разложение (нравов)» (*decay* букв. ‘тлен, гниль’).

В Ветхом и Новом Завете символом нечестия является квасной хлеб (он быстро плесневеет), а символом благочестия — пресный хлеб (он долго остается доброкачественным). Апостол Павел заповедал: *Therefore let us celebrate the feast, not with old leaven, nor with the leaven of malice and wickedness, but with the unleavened bread of sincerity and truth* (1 Corinthians 5: 8) / «Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1 Коринфянам 5: 8). Образы бездрожжевого / дрожжевого хлеба — эквивалентны образам чистоты / грязи. На этой образной основе возник праздник опресноков, англ. *the Feast of Unleavened Bread* (Exodus 12: 15 / Исх. 12: 15).

Перечисленные образы составляют тематическую группу, несут примерно одинаковую символическую нагрузку и входят в состав рассматриваемого нами когнитивного паттерна.

У каждого народа или группы народов имеются свои аксиологические доминанты (святыни) — ключевые жизненные ценности, которые образуют ядро этнокультуры (см. [Жельвис 2000; Хомяков 2009]). Они определяют тематику и экспрессию инвектив: чем выше в иерархии ценностей расположена святыня, тем бóльшую негативную экспрессию несет инвектива, предназначенная для бласфемизации (кощунственного поругания) этой святыни.

Так, у народов германской языковой группы, в том числе английского, выше всего ценится нравственная чистота; вследствие этого тематика инвектив сосредоточена на образах грязи, нечистот, физиологических отправлениях и их источников (англ. *shit, spew, filth, rot, arse* и др.), тогда как у славян ценностной доминантой издревле являлся культ предков, прежде всего матери. Вследствие этого ядро обцененной лексики до сих пор образуют обороты, направленные на оскорбление земной и Божией матери; поэтому эта лексика именуется матерной.

В английской лингвокультуре моральные ассоциации с чистотой и грязью особенно широко распространены в сфере отношений полов.

По логике вещей можно было ожидать, что под чистыми отношениями полов будут подразумеваться духовно возвышенные, благородные, утонченные отношения, преисполненные восхищения, любви и уважения друг к другу, а под грязными — грубые, примитивные, вульгарные отношения полов, которые сопровождаются насилием и оскорблением человеческого достоинства.

Но нет; как показывают наблюдения, в рамках христианской половой морали, которая закреплена в семантике европейских языков (в том числе английского), под чистыми (непорочными, целомудренными) отношениями полов понимается попросту половое воздержание, а под грязными —

попросту половая жизнь, в особенности не санкционированная Церковью в форме обряда венчания. Такая позиция проистекает из религиозных доктрин первородного греха и непорочного зачатия, в рамках которых плотские отношения считаются изначально греховными по самой своей сущности. Отсюда ассоциативная связь религиозных наименований полового воздержания с понятием *чистоты*:

(29) *immaculatedness* «непорочность» < лат. *immaculatus* «незапятнанный»;

(30) *chastity* «целомудрие» < лат. *castus* «чистейший, незамутненный»;

(31) *virginity* «девственность» < лат. *virga* «свежая, незамазанная» etc.

С указанных позиций не освященная церковным обрядом (и по большому счету всякая) половая жизнь образно представляется как нечто грязное. Это зафиксировано в ряде английских устойчивых оборотов:

(32) *dirty / sullied love* «внебрачная любовь» (< франц. *souiller* «загрязнять»);

(33) *dirty romance* «жанр скабрёзной (букв. 'грязной') литературы и кино»;

(34) *filthy relationships / affairs* «внебрачные (букв. 'грязные') связи»;

(35) *dirty pleasures* «порочные (букв. 'грязные') наслаждения»;

(36) *dirty dancing* «фривольные (букв. 'грязные') танцы».

Как видим, в самой системе английского языка заложено продиктованное репрессивной религиозной половой моралью негативное отношение к половой жизни, особенно вышедшей из-под церковного и государственного контроля.

Диаметральную противоположность трактовок *чистоты* и *грязи* в сфере отношений полов продемонстрировал Герберт Уэллс в романе «Люди как боги»: христианский священник, наблюдавший прекрасные, высокодуховные, свободные нравы утопийцев, с отвращением квалифицировал их как «свальный грех», а они, в свою очередь, с не меньшим отвращением констатировали, что у их идейного противника — религиозного ханжи — «очень грязный ум» (Wells 2019).

Конфликт моральных оценок наблюдается и в жанре историй о великой любви — любви Ланселота и Гвиневры, Тристана и Изольды, Паоло и Франчески, Лейли и Меджнуна и др. Согласно канонам церковной морали, их полагается расценивать как грязные внебрачные связи, однако народная мораль расценивает великую любовь как чистые отношения, как высочайшую духовную ценность. Этот конфликт приводит к тому, что великая

любовь (англ. *great love*) становится роковой (англ. *fatal love*). Жизнь сделала эти названия, увы, синонимичными.

В наше время в западном мире исповедуются и широко практикуются «свободные» нравы и отношения полов, однако фактически они до сих пор выглядят не как подлинно свободные, а как бунт против патриархальных устоев и стремление преодолеть эти устои; столь велика инерция многовековых традиций, заложенных в языке, который, согласно Э. Сепиру (Sapir 2014) и Б. Л. Уорфу (Whorf 2012), властно влияет на человеческое мышление и поведение.

Этим свойством западная мораль отличается, к примеру, от буддийско-индуистской тантрической морали, в контексте которой плотские отношения изначально не могут считаться «грязными», поскольку они носят сакральный характер (Smith 1996). Различия в когнитивном субстрате языкового мышления западных и восточных культур ведут к различиям в оценках отношений полов, а также к различиям в стереотипах поведения, проистекающих из этих оценок.

Такое отношение к делу характерно не только для библейской морали и касается не только эроса. Идеология, декларирующая примат государственных и / или общественных интересов перед личными интересами, воспевающая принесение индивидуальных ценностей в жертву благополучию коллектива — такая идеология проповедует аскетизм и клеймит позором любое удовольствие, кроме идейного экстаза. Такова, например, мораль тоталитарных политических режимов и таких же религиозных сект, экстремистских организаций и иже с ними. Это ярко показано, в частности, в антиутопии Джорджа Оруэлла «1984», в которой изображен суровый тоталитарный строй (*Ingsoc*) с его «Молодежным антиполовым союзом» (*Junior Anti-Sex League*) и ежедневными двухминутками ненависти (*The Two Minutes Hate*); в них энергия либидо сублимировалась в ярость политической борьбы (Orwell 2020).

В рамках такого рода идеологий вся лексика, в образной основе которой лежит когнитивный паттерн *чистота / грязь*, переносится с отношений полов на общественную жизнь в целом: с этой точки зрения аскетизм чист, а гедонизм грязен в своей сущности. В условиях авторитарных и тоталитарных режимов противопоставление *чистоты* и *грязи* четко выражено, в отличие от буржуазно-либеральных социумов, в рамках которых эта антитеза размыта: в их контексте гедонистические устремления не только не позиционируются как порочные, но, напротив, объявляются ценностной доминантой. Оценка жизненных реалий в категориях «чистые» и «грязные» в нынешних условиях западного либерализма постепенно теряет актуальность и в конечном счете — смысл.

С аскетизма ныне снимается печать добродетели, а с гедонизма — клеймо порока. В социуме сменяются ценностные ориентиры: идейный лозунг *Ask not what your country can do for you, ask what you can do for your country* («Не спрашивай, что родина может сделать для тебя; спрашивай, что можешь сделать для родины ты») в аксиологическом пространстве современной западной культуры всё больше замещается рекламным логотипом *Food is a pleasure! The pleasure of taste* («Еда — это наслаждение! Наслаждение вкусом»), имеющим не только коммерческое, но и идеологическое значение. В терминологии Л. Н. Гумилева, замена массового энтузиазма гедонизмом свидетельствует о переходе от пассионарной (восходящей) фазы этногенеза — через фазу акме (пика развития) — к фазе надлома (Гумилев 2018).

Таково нынешнее положение дел. Но прошлые этапы развития культуры и цивилизации прочно укоренены в этноязыке, а значит — и в ментальности народа, и требуется весьма длительное время, чтобы прежние представления и языковые средства их выражения сменились новыми. Когнитивный субстрат языкового мышления людей обладает большой инерцией, он составляет основу «свода основных предположений и допущений, обычно не осознаваемых и не обсуждаемых, структурирующих и направляющих поведение членов общности почти так же, как грамматические правила, не осознаваемые большинством людей, направляют и структурируют их языковое поведение» (Кузнецов 1998).

Под определенным углом зрения этнокультуру можно рассматривать как совокупность коллективных установок (англ. *attitudes*), которые определяют ценностное отношение народа к тем или иным явлениям бытия — подобно тому, как характер индивидуума, по Д. Н. Узнадзе, складывается из личностных установок, определяющих специфику его контактов с социокультурной средой (Узнадзе 2001).

Упомянутые коллективные установки носят облигаторный характер в рамках господствующей идеологии. Однако со временем идеологии меняются, а вместе с ними и коллективные установки. Например, в эпоху доминирования христианской идеологии в культурном пространстве Европы нетрадиционные сексуальные ориентации осуждались и карались, объявляясь «грязными», а в наше время на Западе они считаются нормой и приветствуются, объявляясь «радужными»; осуждаются и караются теперь уже попытки критиковать их.

Но вербальный язык в значительной мере консервативен. Это связано с тем, что он сам являет собой грандиозную общенародную конвенцию; слишком частые и радикальные преобразования в языке с неизбежностью

привели бы к снижению взаимопонимания, к коммуникативным сбоям и в целом к падению эффективности вербального общения.

По этой причине темпы развития языка несколько отстают от темпов развития цивилизации. Из-за этого в языке некоторое время сохраняются прежние общественные когнитивные установки, зафиксированные в значениях и внутренней форме языковых единиц, в их коннотациях и сочетаемости. Языковое мышление потому так и называется, что оно осуществляется на базе языка, функционирующего как код (программа) интеллекта. Люди относятся к миру так, как предписывает им их родной язык с помощью своих единиц и конструкций. Поэтому пока из языка не уйдет вербальное обеспечение того или иного когнитивного паттерна, этот паттерн будет существовать в головах людей, направляя их мышление, определяя их отношение к миру и поведение.

Так, например, в английском языке столетиями копились пейоративные названия представителей сексуальных меньшинств — названия, заключающие в своей внутренней форме идею перверсии: *invert*, *pervert*, *queer (as a square egg)*, *deviant*, *sissy*, *faggot / fag*, *sodomite / sod* и целый ряд других, не говоря уже о многочисленных обценных словах и идиоматических оборотах; избавление от этого исторического наследия занимает долгое время и дается нелегко.

В его рамках идеологи политкорректности наспех сочиняют и фактически насильно внедряют в английский язык неуклюжие эвфемизмы типа *LGBTist* (букв. 'ЛГБТист'), *same-genderer* (букв. 'однополец'), *rainbow person* (букв. 'радужный человек') и т. п. Но такие названия выглядят не естественно, а как проявления протеста против традиции; это обусловлено тем, что традиционные представления прочно укоренены в языке, а значит, и в менталитете народа.

В настоящее время на Западе, в том числе в Англии, под влиянием идей неолиберализма происходит активная ломка когнитивных установок; как отмечалось, это процесс долгий и болезненный, сопровождающийся сшибкой традиций и новаторства. «Поле битвы» выступает пространство языка.

Помимо сферы отношений полов представления англосаксов о чистоте и грязи ассоциируются и с другими областями этики, прежде всего с честностью / нечестностью, с неподкупностью / коррумпированностью: *to have clean / dirty hands* «у кого-л. чистые руки / кто-л. нечист на руку» и т. п.

Выше упоминалось, что в английской лингвокультуре образы *чистоты / грязи* символически репрезентируют в основном две тематических области. Помимо морали, вторая область — это тема **возобновления**, воз-

врата к началу, отказа от прошлого опыта, избавления от прежнего содержания.

В порядке иллюстрации приведем ряд английских устойчивых образных оборотов:

(37) *to start over with a clean slate* «вернуться на исходные позиции» (букв. ‘начать заново с чистой доски’);

(38) *to clean the slate / to wipe the slate clean* «начать жизнь сначала» (букв. ‘начисто вытереть доску’);

(39) *to make a clean break with the past* «начисто порвать с прошлым»;

(40) *clean sheet* «возможность начать новую жизнь» (букв. ‘чистый лист’, ср. рус. ‘начать с чистого листа’).

В данном значении слово *clean* ‘чистый’ тематически близко к таким словам, как *blank* ‘пустой’, *vacant* ‘вакантный’, *unoccupied* ‘незанятый’ и антонимично словам с общим значением ‘полный’ (*full, replenished, engaged, packed, occupied, filled*). В большинстве случаев когнитивной основой является образ чистого (пустого) и исписанного носителя текста, а именно бумажного листа, грифельной доски, компьютерного дисплея и т. п. В языке проявляется, так сказать, «семиотический» взгляд на жизнь, постмодернистский в своей основе: жизнь уподобляется тексту, а деятельность — созданию текста (*writing the book of life* — «написанию книги жизни»).

Эта метафора обыграна в фантастическом рассказе Стивена Кинга «Всемогущий текст-процессор», персонажу которого досталось в наследство электронное устройство, воплощавшее в реальность содержание вводимых в него текстов (King 2018).

4. Выводы

Итак, на примере когнитивного паттерна *чистота / грязь*, входящего в английскую лингвокультуру, мы постарались продемонстрировать, что восприятие и осмысление действительности и ее отдельных фрагментов осуществляется сквозь призму стереотипов мышления, выработанных в течение столетий и закрепленных во внутренней форме единиц языка. В ряде случаев возникает конфликт между внутренней формой, пребывающей в русле традиционного мышления, и значением языковой единицы, отражающим современные реалии.

Но лингвокультура развивается; в рамках этого процесса происходит долгая, трудная ломка устоявшихся стереотипов видения мира и выработка новых стереотипов. В языковом аспекте победа нового над старым проявляется в «отмирании» вербального обеспечения прежних когнитивных

паттернов, приводящем к «перепрограммированию» («перекодированию») менталитета носителей лингвокультуры.

Список литературы / References

- Артемяева Е. Ю. Психология субъективной семантики М.: URSS, 2007. [Artemyeva, Elena Yu. (2007) *Psikhologiya subyektivnoy semantiki* (The Psychology of Subjective Semantics). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Нанотехнологии, биомедицина, философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. М.: URSS, 2010. [Baksansky, Oleg E., Gnatik, Ekaterina N., Kucher, Elena N. (2010) *Nanotehnologii, biomeditsina, filosofiya obrazovaniya v zerkale mezhdisciplinarnogo konteksta* (Nanotechnology, Biomedicine, Philosophy of Education in the Mirror of the Interdisciplinary Context). Moscow: URSS. (In Russian)].
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Азбука, 2018. [Gumilyov, Lev N. (2018) *Etnogenez i biosfera zemly* (Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth). Moscow: Azbuka. (In Russian)].
- Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Юрислингвистика-2: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2000. С. 194–206. [Zhelvis, Vladimir I. (2000) *Slovo i delo: yuridichesky aspekt skvernosloviya* (Word and Deed: a Legal Aspect of Using Foul Language). *Russky yazyk v yestestvennom i istoricheskom bytii. Yurislingvistika-2* (Russian Language in Natural and Historical Existence): a Collection of Papers. In Golev, Nikolay D. (ed.) Barnaul: Altay State University, 194–206. (In Russian)].
- Кузнецов А. М. Картина мира этническая // Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998. [Kuznetsov, Anatoly M. (1998) *Kartina mira etnicheskaya* (The Ethnic World Outlook). In Petrovsky, Artur V. (ed.) *Kratkiy psikhologicheskiy slovar'* (Concise Psychological Dictionary). Rostov-n/D: Feniks. (In Russian)].
- Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. [Uznadze, Dmitry N. (2001) *Psikhologiya ustanovki* (The Psychology of Attitude). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Хомяков В. А. Введение в изучение слэнга — основного компонента английского просторечия. М.: Либроком, 2009. [Khomyakov, Vladimir A. (2009) *Vvedeniye v izucheniye slenga — osnovnogo komponenta angliyskogo prostorechiya* (Introduction to Studies of Slang — Hardcore of Low Colloquial English). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Lévi-Strauss, Claude. (2009) *Le cru et le cuit*. Paris: Éditions Plon. (In French.)
- Sapir, Edward. (2014) *Language. An Introduction to the Study of Speech*. Cambridge: University Press.
- Smith, Gilly. (1996) *Tantra and Tao*. Edinburgh: Constable & Robinson Ltd.
- Whorf, Benjamin L. (2012) *Language, Thought, and Reality*. Cambridge (Mass.): MIT Press.

Словари / Dictionaries

- АРС* — Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / Под ред. Э. М. Медниковой. М.: Русский язык, 1990. [*Bolshoy anglo-russky slovar' glagolnykh slovosochetaniy* (1990) (Greater English-Russian Dictionary of Verbal Collocations). In Esther M. Mednikova. (ed.). Moscow: Russkij yazyk. (In Russian)].
- БАРФС* — Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. М.: Русский язык-Медиа, 2005. [*Bolshoy anglo-russky frazeologicheskyy slovar'* (2005) (Greater English-Russian Phraseological Dictionary). In Alexandre V. Kunin. (ed.). Moscow: Russkij yazyk-Media. (In Russian)].
- БЭС* — Большой этимологический словарь современного английского языка / М. М. Маковский. М.: Либроком, 2014. [*Bolshoy etimologicheskyy slovar' sovremennogo angliyskogo yazyka* (2014) (Greater Etymological Dictionary of Modern English). In Mark M. Makovsky. (ed.). Moscow: Librocom. (In Russian)].
- ССМ* — Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках / М. М. Маковский. М.: Издательский центр Владос, 1996. [*Sravnitelny slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeiskikh yazykakh* (1996) (Comparative Dictionary of Mythical Symbols in Indo-European Languages). In Mark M. Makovsky. (ed.). Moscow: Vlados Publishers. (In Russian)].
- ODE* — *Oxford Dictionary of English Etymology* (1996). In C. T. Onions. (ed.). Oxford: University Press.
- ODI* — *Oxford Dictionary of English Idioms* (2009). In J. Ayto. (ed.). Oxford University Press.

Иллюстративный материал / Illustrations

- King, Stephen E. (2018) The Word Processor of the Gods. In Stephen E. King. *Skeleton Crew: Stories*. New York: Simon and Schuster.
- Orwell, George. (2020) *1984*. London, New York: Penguin Classics.
- Shakespeare, William. (2019) *Hamlet*. Cambridge: University Press.
- Wells, Herbert G. (2019) *Men like Gods*. London, New York: HarperCollins Publishers.